

Братская ГЭС

<Фрагмент>

Проселками и селеньями, с горестями, боленьями
Идут ходоки к Ленину, идут ходоки к Ленину.
Метели вокруг свищут. Голодные волки рыщут.
Но правду крестьяне ищут, столетьями правду ищут.
Столькие их поколения, емелек и стенок видевшие,
Шли, как они, к Ленину, но не дошли, не выдюжили.
Идут ходоки, зальделые, все, что наказано, шепчут.
Шаг за себя делают. Шаг — за всех недошедших...
А где-то в Москве Ленин, пришедший с разинской Волги,
На телеграфной ленте их видит сквозь все сводки.
Воет метель, завывает. Мороз ходоков корежит,
И Ленин себя забывает — о них он забыть не может.
Он знает, что все идеи — только пустые «измы»,
Если забыты на деле русские слезные избы.

А ночью ему не спится под штопаным одеялом.

Метель ворожит: «Не сбьтсья великим твоим идеалам!»

Как заговор, вьется поземка. В небе за облака

Месяц, как беспризорник, прячется от ЧК.

«Не сбьтсья! — скрежещет разруха. — Я все проглочу бесследно!»

«Не сбьтсья! — как старая шлюха, неправда гнусит. — Я бесмертна!»

«В грязь!» — оскалился голод.

«В грязь!» — визжат спекулянты.

«В грязь!» — деникинцев гогот.

«В грязь!» — шепоток Антанты.

Липкие, подлые, хитрые, всякая разная мразь

Ржут, верещат, хихикают: «В грязь! В грязь! В грязь!»

Метель панихиду выводит, но вновь — над матерью-Волгой

Идет он просто Володей и дышит простором, волей.

Волга дышит смолисто, Волга ему протяжно:

«Что, гимназист из Симбирска, тяжело быть Лениным, тяжело?!»

Не спится ему, не спится. Но сквозь разруху, метели

Он видит живые лица, словно лицо идеи.

И за советом к селяням, к горестям и болям

Идет ходокoм Ленин, идет ходокoм Ленин...

Многие страны я видел. Твердо в одном разобрался:

Ждет нас всеобщая гибель или всеобщее братство.

В минуты самые страшные верую, как в искупленье:

Все человечество страждущее объединит Ленин.

Сквозь войны, сквозь преступления,

Но все-таки без отступления,

Идет человечество к Ленину,

Идет человечество к Ленину...